

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. – с. Рэжым доступу : file:///C:/Users/User/Downloads/ВМК_МЕТОДЫКА_БРАДЗІХІНА%20(4).pdf. – Дата доступу : 21.12.2025.

The article provides examples of visualization techniques that can be used in a Belarusian literature lesson in grade 8 when studying love poetry, and examines their role and relevance of use.

УДК 821.161.1-31*Ф.М.Достоевский

Е. Ю. СЫЧЕВА

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ТРАГЕДИЯ ДОБРОТЫ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В ОБРАЗЕ КНЯЗЯ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА МЫШКИНА

В данной статье исследуется экзистенциальный парадокс, воплощенный в образе князя Мышкина из романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Анализируется противоречие между христианским идеалом абсолютной доброты и трагическими условиями человеческого существования. Философская сущность образа Мышкина раскрывается через демонстрацию фундаментального конфликта: трансцендентное понимание смысла жизни вступает в непримиримое противоречие с трагическими условиями её реального существования.

Работа над романом «Идиот» (1867–1869 гг.) пришлась на один из самых тяжёлых и сложных периодов в жизни Достоевского, что не могло не повлиять на философскую глубину романа [9, с. 45]. Писатель находился в вынужденной эмиграции в Европе, боролся с игровой зависимостью, переживал финансовые трудности и потерю новорождённой дочери. Именно в этом личном горе и на фоне духовного кризиса в России 1860-х годов созрела задача, которую Достоевский сформулировал как «изобразить положительно прекрасного человека». Таким образом, образ Мышкина стал не только художественной, но и философской, экзистенциальной попыткой ответить на вызовы времени и личной, вечной веры [10, с. 12].

Князь Лев Николаевич Мышкин – один из самых парадоксальных образов в русской и мировой литературе. Его появление в обществе, которое погрязло в тщеславии, зле, расчете и иных человеческих пороках, подобно вторжению иной реальности [3, с. 17]. Князь Мышкин – не просто добрый и открытый человек, он – воплощение доброты как онтологического принципа [4].

Христианский контекст образа Мышкина является центральным, но неоднозначным. В черновиках романа Достоевский прямо называл героя «Князь Христос» [9, с. 201]. Однако трагический и печальный финал заставляет исследователей спорить о том, насколько Мышкин соответствует этому высокому прототипу. Критики указывают, что его сострадание порой оказывается пассивной «жалостью», которая не спасает, а, наоборот, подтверждает в Настасье Филипповне её саморазрушительный образ «падшей» женщины [11, с. 397]. В отличие от евангельского Христа, сказавшего грешнице: «Иди и впредь не греши», Мышкин, по мнению некоторых интерпретаторов, лишает её шанса на покаяние и внутреннее преобразование, не требуя нравственного выбора. Эта полемика обнажает главную экзистенциальную дилемму романа: может ли абсолютный идеал быть воплощён в относительном мире, не искажаясь и не приводя к катастрофе?

Его трагедия таится не в личных изъянах и недостатках, а в самой природе истинного, абсолютного добра, столкнувшегося с относительным и несправедливым человеческим миром [5, с. 102]. Доброта Льва Николаевича Мышкина – радикальна, она лишена

избирательности и не обусловлена социальными нормами. Мышкин не осуждает, он видит в каждом человеке целый мир страданий, он стремится увидеть не «грешника», а носителя уникального опыта, пронизанного мытарствами, но содержащего потенциал для духовного преображения [2, с. 46]. Он прямо говорит о своем видении: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Основной конфликт князя – это конфликт между трансцендентным смыслом жизни (абсолютная любовь, прощение всего, единение душ) и условиями человеческого существования (страсть, ревность, высокомерие, гнев). Его попытка жить по евангельским заповедям, построенном на других принципах, создает экзистенциальное напряжение, трудную ситуацию, которая разрушает не только главного героя, но и тех, кого он пытается спасти [1, с. 12].

Достоевский искал литературные аналогии для своего «прекрасного человека», называя среди прототипов Дон Кихота, мистера Пиквика и Жана Вальжана [12, с. 151]. Однако в отличие от них, Мышкин помещён в предельно театрализованную и сжатую во времени структуру романа, который почти целиком состоит из диалогов и драматических сцен. Это служит «провоцированию и испытанию философской идеи» [13, с. 155]. Голос «идиота»-Мышкина звучит наравне с авторским, вступая в напряжённый диалог с другими «голосами» – безумием гордости (Настасья Филипповна) и безумием ревности (Рогожин). Таким образом, трагедия Мышкина – это не только столкновение добра со злом, но и столкновение разных форм сознания и экзистенциальных позиций внутри самого художественного мира романа.

Мышкин всегда существует в некотором раздвоении, первая часть которого заключается в созданном им идеальном мире, видении совершенства человеческой души, а вторая – в реальности поступков и действий. Абсолютная доброта требует признания абсолютной ценности другого. Но в мире, где ценность можно назвать относительной, такая установка приводит к разрушению общественных связей, основанных на условностях. Доброта Мышкина становится источником страданий. Его нежелание осуждать Рогожина и Настасью Филипповну, его всепринятие – этически безупречны в абсолюте, но в реальном, небезупречном и относительном мире ведут к трагедии [6, с. 78]. Здесь проявляется экзистенциальная дилемма: кантианская этика намерения, которая защищает человеческое достоинство, возвышает мораль, делая ее решением разума и воли, а не расчета противостоит этике последствий, где моральная истина оказывается в зависимости от непредсказуемого, несовершенного прогнозирования [7]. Мышкин демонстрирует и показывает уникальную концепцию смысла жизни: смысл заключается не в достижении, не в материализме, не в потребностях, не в человеческих страстях и даже не в счастье, а в способности видеть свет там, где его, казалось бы, нет, в умении замечать абсолютное в условиях относительности [4]. Его эпилептические прозрения – моменты непосредственного переживания гармонии – становятся метафорой недостижимого в земном существовании экзистенциального единства. Он сам описывает эти секунды: «Что же в том, что это болезнь?» решил он наконец, «какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и встревоженного молитвенного слития с самым высшим синтезом жизни?» Но именно эта способность и редкая черта делает его «идиотом» в глазах мира и в конечном итоге приводит к трагическому финалу [3, с. 21].

Современные интерпретации часто делают акцент на разрушительном потенциале «абсолютной доброты» Мышкина. Его сострадание, лишённое чувства реальности, сравнивают с действиями человека, который «открывает свой сундук с сокровищами на рыночной площади» [14]. Такая доброта, лишённая мудрости и способности к суждению, становится формой насилия, как над собой, так и над другими. Желая спасти всех, Мышкин не может сделать философский выбор между жалостью (к Настасье Филипповне) и любовью (к Аглае), что в итоге приносит страдание обоим женщинам. Его финальное возвращение в состояние безумия – это не только поражение идеала, но и горький ответ на вопрос, может ли «просто-та голубя» выжить в мире, не обретя «мудрости змеи».

Мышкин превращается в вечный вопрос, обращенный к человечеству: является ли его судьба доказательством невозможности евангельского идеала в человеческом мире или же она указывает на необходимость трансформации самого этого мира? Его образ утверждает неочевидную истину: подлинное обретение смысла жизни может заключаться не в достижении гармонии, а в трагическом свидетельстве о её возможности. Доброта Мышкина становится экзистенциальным риском – рискованием собой ради свидетельства об ином способе бытия, ради духовного спасения людей. В этом рисковании – и его поражение, и его бессмертная победа как литературно-философского образа, продолжающего бросать вызов нашим представлениям о смысле человеческого существования [2, с. 44].

Смысл, который он несет, мораль, которую он проповедует, невыносимы для человеческого существования в его нынешнем, погрязшем в пороке, состоянии. Возникает вопрос: является ли абсолютный смысл жизни совместимым с человеческой природой в ее нынешней экзистенциальной ситуации? [5, с. 110].

Отметим, что доброта князя Мышкина обретает трагический характер, потому что, во-первых, её ошибочно интерпретируют как слабость (там, где хитрость и сила в цене, искренность и доброта обесцениваются, нравственные принципы кажутся окружающим абсурдными, именно поэтому окружающие воспринимают его как «идиота»); во-вторых, она не обладает преобразующей силой (попытки спасти других через любовь оказываются тщетными, поскольку изменить человеческую судьбу принудительно добро не способно); в-третьих, она разрушает его самого (перманентное погружение в чужие страдания истощает его психику, приводя к финальной отрешённости (мир оказывается невосприимчив к его милосердию)); в-четвертых, она лишена деятельного начала (Мышкин предлагает любовь, но любовь без границ превращается в пассивность: его принцип принятия вместо борьбы косвенно способствует торжеству зла.).

Образ князя Мышкина является глубоким философским исследованием пределов человеческой возможности воплотить абсолютный смысл в действительном существовании [8]. Его трагедия – не в поражении добра, не в крушении блага, а в демонстрации фундаментального экзистенциального конфликта и раскрытии изначального противоречия: стремление к абсолютному смыслу жизни через абсолютную доброту и нескончаемое милосердие сталкивается с трагической структурой самого человеческого бытия [6, с. 82].

Образ Льва Николаевича Мышкина становится своего рода символом первоначальной человечности. С одной стороны, он демонстрирует, что мир, отвергающий высшую нравственность, подрывает собственные основы; с другой – показывает, что жизнь по законам абсолютной доброты в одиночку фатальна. Именно в этом неразрешимом конфликте кроется трагизм экзистенциального выбора, оставленного Ф. М. Достоевским без окончательного ответа.

Список использованной литературы

- 1 Леушина, О. В. Образ князя Мышкина: христологический контекст романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Леушина. – М., 2019. – 215 с.
- 2 Князь Мышкин и проблема понимания // Вопросы литературы. – 2021. – № 3. – С. 40–58.
- 3 Митрополит Павел (Ханты-Мансийский). Роман «Идиот»: опыт духовного самопознания / Митрополит Павел. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 2017. – 320 с.
- 4 Kant's Moral Philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/kant-moral/> (дата обращения: 15.12.2025).
- 5 Батталова, А. Н. Образ князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов: дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Батталова. – Екатеринбург, 2013. – 189 с.
- 6 Русский экзистенциализм: Шестов и Бердяев // Звезда. – 2018. – № 11. – С. 70–85.
- 7 Kant's Theory of Human Dignity // Philosophy Now. [Электронный ресурс]. – URL: https://philosophynow.org/issues/136/Kants_Theory_Of_Human_Dignity (дата обращения: 15.12.2025).

- 8 Кушова, И. А. Некоторые проблемы бытия современного человека и экзистенциализм / И. А. Кушова // *Философская мысль*. – 2020. – № 5. – С. 1–10.
- 9 Достоевская, А. Г. Воспоминания / А. Г. Достоевская. – М. : Художественная литература, 1971. – 450 с.
- 10 Гроссман, Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман. – М. : ГАХН, 1925. – 210 с.
- 11 Кунильский, А. Е. О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / А. Е. Кунильский // *Проблемы исторической поэтики*. – 1998. – Т. 5. – С. 391–405.
- 12 Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советский писатель, 1963. – 364 с.
- 13 Bakhtin, M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics / M. M. Bakhtin // *Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6*. – Moscow: Russian dictionaries: Languages of Slavic culture, 2002. – P. 150–180.
- 14 Matheikal. The Danger of Being Too Good // *Matheikal's Blog*. [Электронный ресурс]. – 2026. – January. – URL: <https://matheikal.wordpress.com/2026/01/11/the-danger-of-being-too-good/> (дата обращения: 15.12.2025).

This article explores the existential paradox embodied in the character of Prince Myshkin from Fyodor Dostoevsky's novel "The Idiot." It analyzes the contradiction between the Christian ideal of absolute goodness and the tragic conditions of human existence. The philosophical essence of Myshkin's character is revealed through the demonstration of a fundamental conflict: the transcendent understanding of the meaning of life clashes with the tragic conditions of its actual existence.

УДК 821.161.1-311.4Лесков

Т. Н. УСОЛЬЦЕВА

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА»

В статье проанализирована специфика пространственной организации романа Н. С. Лескова «Некуда», которая обусловлена системой топосов провинции, Москвы и Петербурга, заявленных писателем уже в оглавлении произведения. Эти антитетичные пространственные образы, значимые в русской литературной традиции, связанные мотивами пути и дома/бездомья, представлены в романе в едином комплексе.

Пространственная организация «Некуда» обозначена Н. С. Лесковым уже в оглавлении романа – «В провинции», «В Москве», «На Невских берегах». Все пространственные образы изначально неоднородны и противопоставлены друг другу. Ю. М. Лотман писал, что «художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов. Соотнесение его с действующими лицами и общей моделью мира, создаваемой художественным текстом, убеждает в том, что язык художественного пространства – не пустотелый сосуд, а один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение» [1, с. 628]. В романе «Некуда» пространственная организация произведения (провинция – Москва – Петербург – провинция) становится символической, отражающей как духовное стремление главной героини Лизы Бахаревой поиска истины и смысла бытия, так и пестроту русской общественной жизни в начале 60-х годов XIX столетия.

Провинциальный город в романе не назван, что демонстрирует высокую степень обобщенности – это может быть любой провинциальный город России, но при этом Н. С. Лесков указывает конкретные топонимы: стоит он на реке Саванке, притоке Оки, наиболее значимые улицы – Московская, Рядская, Крупчатная, Главная – свидетельствуют и о его местоположении